

А.К. Трошин
Воспоминания
о Стерлитамаке
Москва, 1995

А.К. Трошин

Воспоминания
О
Стерлитамаке

Москва, 1995 г.

Анатолий Константинович
Прошин. 1967 г.

Анатолий Константинович Трошин

Воспоминания о Стерлитамаке

Время и прежде также скоро летело, как ныне. Незаметно мне минуло 80 лет. Более половины из них постоянно живу в Москве. Я участник Великой Отечественной войны, ветеран труда, работал многие годы доцентом Московского нефтяного института имени И. М. Губкина, вёл научно-исследовательскую работу по нефтяному и газовому делу, был научным руководителем шести аспирантов, которые защитили диссертации на соискание учёных степеней кандидата технических наук, но любимым моим занятием была русская история. Навыки работы с историческими материалами я получил в Институте истории естествознания и техники Российской академии наук, в котором я работал по совместительству несколько лет.

Вместе с тем я никогда не забывал о городе Стерлитамаке, в котором я родился 8 марта 1914 г. и провёл детство и юность. Поэтому я уделял внимание истории города. Свои работы по краеведению иногда посвящаю

в Стерлитамакский историко-краеведческий музей, переноска с которыми продолжается уже много лет.

Сотрудники музея прислали мне сборник фотографий города в виде открыток. Я часто рассматриваю изображение зданий: бывшей уездной земской управы, бывших торговых рядов городских купцов, железнодорожного вокзала, кинотеатра „Салават“, школы. Тогда я мысленно совершаю путь от этих зданий по хорошо знакомым мне улицам к отцовскому дому или на кладбище к дорогим могилам. В эти минуты ко мне возвращаются прежние мысли и заботы и возможность увидеться с людьми, которых уже нет в живых. Сердце моё сжимается от волнения, когда на память приходят дорогие для меня места.

По просьбе сотрудников музея взялся я написать воспоминания о моём родном городе, которые, возможно, дадут некоторые подробности его жизни в первой половине 20 в. Буду стараться выполнять правило топографов: „что видим, то пишем, чего не видим, того не пишем“.

Мой дедушка Семён Ефремович Трошин (1844-1906) происходит из семьи крепостных крестьян деревни Стрелковки, принадлежавшей помещику Стрелкову. Дедушка служил в армии солдатом в течение 8 лет. Участвовал в подавлении Кокандского восстания 1873-76 гг. под командованием генерала М.Д. Скобелева (1843-82) и был награждён медалью „За покорение ханства Кокандского“. Мой папа Константин Семёнович Трошин (1884-1976) запомнил только одно воспоминание дедушки о М.Д. Скобелеве. Генерал при обращении к солдатам говорил „Братцы“, плохо выговаривая букву „р“. Дедушка после армии возвратился в родную деревню, но вскоре поступил на службу сторожем и истопником в Стерлитамакское четырёхклассное городское училище с окладом 11 руб. в месяц. Жил он с семьёй в подвале того же училища.

Дворяне Стрелковы иногда навещали своего бывшего крепостного. Им приходилось

бываѣ в городе по делам и за покупками. У дедушки они отдыхали и оставляли во дворе лошадей.

Дедушка прослужил в училище более 20 лет. За усердную и честную службу в 1895г. по предложению педагогического совета и с разрешения директора народных училищ, его наградили 15 руб. Подлинный наградной лист дедушки я передаю Стерлитамакскому музею. Умер дедушка после перенесённого брюшного тифа в результате осложнения, в чём винили бабушку, накормившую больного яйцами, сваренными вкрутую.

Моя бабушка Ксенья Антоновна Прошина (Торбева) (1860-1940) также происходила из крестьянской семьи. После замужества она занималась воспитанием трёх сыновей и двух дочерей и служила кухаркой у инспекторов училищ, за что получала 3 руб. в месяц. Бабушка была неграмотной и многие изменения в жизни после революции 1917г. понимала плохо.

Например, сложносокращённое слово комсомолбы она усвоила как косо-молбы, представляя эту организацию как новую от-личную от староверов религиозную груп-пу, отколовшуюся от господствующей церкви. Бабушка редко вспоминала о своей прошлой жизни, полной забот. Она не жаловалась на нехватку продуктов питания, на скромную одежду и обувь, вставая из-за обеденного стола она гово-рила: „Благодарю покорно“.

Брат дедушки Иван Ефремович Трошин жил в Стрелковке и занимался сельским хозяйством. Он, как все Трошины, терпе-ливо переносил лишения и удары судьбы. Однажды его нагай богаты бык. Никакого сопротивления дед Иван ему не оказывал, а лишь читал молитву. Бык сильно мотнул головой и переброшил деда через плечо, за которыми тот встал невре-димый и в безопасности. Умер дед Иван также спокойно, не доставляя никому беспокойства. Утром он встал и велел

истощить баню, так как почувствовал смертный час и действительно вечером умер.

Папа, мой брат Алексей и я несколько раз навещали своих близких родственников в Стрелковке, когда там жил сын деда Ивана Андрей Иванович Трошин. Семья дяди Андрея была большая. Я внимательно смотрел на своих троюродных братьев и сестёр Трошиных, пытаясь разглядеть черты лица наших предков.

За столом, накрытом в нашу честь, дядя Андрей, поднимая стакан с вином и обращаясь к жене, моему папе и ко всем остальным, говорил: „Здравствуй, Марина, здравствуй, Костя, здравствуйте.“ Вспоминали жену Ивана Ефремовича Трошина Матрону, которая была строга и за обеденным столом не терпела беспорядка, на внуков покрикивала: „Кыш!“ и грозилась деревянной ложкой. Соседи дяди Андрея приходили к нему чтобы познакомиться с нами. Одна соседка, узнав, что я из Москвы, спра-

шивала меня, не знаком ли я с её сыном, который служит в армии в Москве и стоит в почётном карауле у мавзолея В.И. Ленина.

Дядя Андрей служил в царской армии перед революцией. Папа и его братья Пётр и Михаил были освобождены от службы в армии по близорукости, они носили очки. На дядю Андрея большое впечатление произвела команда „Смирно!“, после которой исключалось какое-либо движение или, как говорил дядя Андрей, „: „Не только что, либо как, или как-нибудь...“ Командной дисциплины в армии он не занимал, что следует из его рассказа: после того, как офицеры поели арбузы и оставили на столе много арбузных корок, один из офицеров дал команду: „Прощин, убирай!“

Дядя Андрей, приезжая в Стерлитамак, бывал у нас. Он внимательно присматривался к условиям городской жизни. Однажды не менее пол часа он наблюдал, опершись на забор, за событиями, происходившими на соседнем с нашим дворе. Рядом с нами

жил кузнец, который выполнял работы в кузнице а также подковывал лошадей. В этот раз он вместе со своим заказчиком устроил во дворе пиршество. За шумным поведением этой компании и наблюдая дядя Андрей, нагнув на глаза своего кепку, чтобы солнце не мешало ему.

Ныне деревня Стрелковка вошла в Границы Стерлитамака, и все Прощинцы стали горожанами.

Родители моей мамы Мария Михайловна Прощинная (Ермиловой) (1888-1948) происходят из семьи мещан Стерлитамака. Мой дедушка Михаил Филиппович Ермилов (1858-1918) несколько лет имел свою небольшую лавку с железобюджетными товарами, но из-за малого капитала он не мог войти в союз купцов (гильдию) и числился мещанином. Это подтверждается сохранившимся его паспортом, выданным мещанским старостой Стерлитамака А.Т. Дьяконовым де-

душкой моего стерамачанского друга Бориса Тригорьевича Дьяконова. В семье Ермиловых было пять дочерей и один сын.

Во время пожара 1908 г. лавка дедушки сгорела, а товар пришёл в негодность. Пожар в этом году пощадил дом Ермиловых с трёх окнами. Для защиты от пожара моя бабушка Варвара Ивановна Ермилова велела одной из своих дочерей забраться на крышу дома с иконой и держать её напротив ближнего горящего дома. После пожара дедушка остался совершенно разорённым, и в 1913 г. дом Ермиловых за долги был продан уфимским купцом Калмацким.

Дедушка переехал на частную квартиру вместе с тремя дочерьми и сыном, так как к этому времени его жена умерла, старшая дочь Валентина и вторая дочь Мария моя мама. Выхили замуж. В 1917 г. третья дочь дедушки Екатерина вышла замуж за офицера царской армии, четвёртая Наталья за местного жителя города, пятая Раиса за большевика, участника боёв

25 октября 1917 г. в Петрограде. Позже Раиса Михайловна Шитова (Ермилова) (1900-1983) участвовала в гражданской войне вместе с мужем в частях Красной Армии. Младший сын дедушки Василий переехал жить к своей сестре Валентине в деревню. Дедушка остался один и переехал в нашу семью в 1918 г.

Мы в этом году снимали квартиру в одноэтажном доме, принадлежащем владельцу городской бани Тордееву. Дом стоял на берегу Ачкадара рядом с баней. Мне в это время шёл четвёртый год, и образ дедушки Ермилова является одним из первых, что я помню. Вспоминаю, что он остался в доме один со мной, а я плакала и сильно кричала. Дедушка растерялся и почему-то вышел со мной на руках в сени. Умер дедушка от болезни, которая обострилась из-за простуды. Он во время боёв за город между белыми и красными скрывался некоторое время в погребе.

В мае 1919 г., когда Стерлитамак был освобождён частями Красной Армии, младший сын дедушки Василий Михайлович Ермилов (1902-1963) добровольно вступил в Красную Армию. В гражданскую войну он участвовал в боях с басмачами на границе с Афганистаном. Он был комиссаром с тремя знаками в петлице.

Мой папа родился в Стерлитамаке. Учиться он начал на 10 году отроду в Стерлитамакском четырёхклассном городском училище. В училище существовало общество помощи учащимся, и ему, как беднейшему ученику, сыну „служащего“, как значится в документах дедушки, оказывалась помощь в виде одежды и обуви. В 1901 г. папа окончил Стерлитамакское училище и в том же году начал обучение в учительской семинарии Благовещенского Завода недалеко от Уфы с получением стипендии. Курс обучения в семинарии он закончил в 1904 г. и два года работал в земских школах в деревнях

Уфимского и Стерлитамакского уездов. С 1906г. начал работу учителем в начальных школах, а с 1908г. преподавателем пения в реальном училище и женской гимназии г. Стерлитамака. Специальность преподавателя пения папа получил в Перми на певческих курсах, руководимых Городцовым.

Папа женился в 1907г. После свадьбы он и мама около двух лет жили в доме бабушки М. Ф. Еремлова в комнате с одним окном. В современном представлении в этом доме мало было комфорта, но для молодого учителя, проводящего детство в подвале в многодетной семье бабушки С. Е. Трошина, небольшая комната казалась уютной с любимой женой. Это подтверждается тем, что папа перенес в свою тетрадь среди других, особенно ценных или произведений русских поэтов, стихотворение А. П. Полонского (1819-1898), „Затворница“:

„ В одной знакомой улице
Я помню старые дворы,
С высокой, тёмной лестницей,
С завешенным окном.

Там огонёк, как звёздочка,
До полночи светил,
И ветер зановесного
Пыхонько шевелил.

Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла! „

Мама окончила Стерлитамакское двух-
классное женское училище в 1902 г. Фотогра-
фический снимок выпуска учениц этого года
я передаю в Стерлитамакский музей. На
память об окончании курса обучения учи-
лище подарило маме Библию (Новый
Завет) и икону с изображением славян-
ских просветителей Кирилла и Мефодия.
После замужества мама занималась вос-
питанием детей и домашним хозяйством.

В 1919-22 гг., когда Стерлитамак стал столицей Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, наша состояла инструктором - организатором школьных хоров по Стерлитамакскому уезду и руководителем первого государственного хора Башкирской республики при отделе искусств Башкирского Народного Комиссариата Просвещения. В репертуар хора входили народные песни, классические произведения, в том числе хоры из опер, а также революционные песни. Наша вспоминала восторженный отзыв о выступлениях хора, высказанный ему советским государственным и партийным деятелем Ф. А. Сергеевым (Артёмом) (1883-1921). Он находился в Стерлитамаке в должности председателя комитета Башпомощь по постановлению Совета Народных Комиссаров для помощи Башкирии в связи с разрухой и голодом.

Хор, руководимый нами, выступал с

концертами не только в Стерлитамаке, но и в деревнях. Несколько раз хор выезжал на фронт чтобы выступить перед красноармейцами в годы гражданской войны.

Возможно, впервые в Стерлитамаке хор представил художественную инсценировку песни о Степане Разине, „Из-за острова на стрежень“. Хористы, посаженные в лодки, ночью при свете факелов плыли вверх по реке Ашкадару недалеко от левого возвышенного берега, на котором стояли зрители. Плавание началось от мелководной части реки, называемой Быстрым Ашкадаром, с того места, где в первые годы существования Стерлитамакской соляной пристани была плотина и низкие мельницы. Это место долгое время называли „Пика“.

Инсценировка песни, задуманная в годы революционного подъёма, в основном удалась. Только при бросании бревна в воду, когда пели о персидской княжне:

„И за борт её бросает в набежавшую волну“, лодка сильно накренилась, и это никому не хористок.

В 1977г. Я сдал в Стерлитамакский музей ведомость на выдачу жалования участникам хора. В годы разрухи и обесценения денег каждый хорист получал сотни тысяч рублей в месяц. Сдал я также в музей четыре книги, в которых рукописи расписаны по голосам около ста произведений для хора. Ранее мама сдала в музей города сборник „Песни русской революции“, изданный в Оренбурге в 1918г., а также подлинный документ о перезахоронении в 1919г. членов революционного комитета Стерлитамака, расстрелянных белогвардейцами в сентябре 1918г. за городом. В документе подробно указаны, какие организации города принимали участие на этом перезахоронении, в каком порядке шли и где был хор.

Папа много работал. Он преподавал пение в нескольких средних школах

города, проводил вечерами концерты с участием учеников, руководил городским хором, всё речитации с хористами и выступал с ними на концертах. В течение нескольких лет в городе находилась труппа артистов оперетты. Папа был приглашён хормейстером в эту труппу. Только во время летних школьных каникул папа мог отдохнуть, побывать в живописных окрестностях города.

Мама часто болела, и папа ходил на базар покупать продукты. Одновременно он бывал на барахолке. Его мечта была купить там выдающуюся скрипку, так как на барахолке нередко встречались вещи, ранее принадлежавшие местным дворянам, поместье которых было разграблено в дни революции.

Редкую скрипку папа не купил. Из купленных на барахолке вещей у нас сохранился лишь колокольчик, на котором написано: „Лит в Турине в 1876 г. Братья Трошны“.

Эти братья, конечно, были наши однофамильцы,

так как среди егеричанских Прощинных промышленников не было. Даже к ремёслам мои родственники не имели больших способностей. При неполадках в швейной машине, мясорубке и других мелких бытовых приборах они всегда обращались в ремонтные мастерские. Нельзя считать за ремесло освоенное дядей Мишей учителем Михаилом Семёновичем Прощинным производство стаканов. Во время экономической разрухи в 1920-х годах дядя Миша бесплатно делал стаканы жителям города, принесшим ему пустую бутылку. Эту бутылку дядя Миша перевязывал на некотором расстоянии от дна шнурком, пропитанным керосином. Потом он поджигал этот шнурок и опускал бутылку в таз с холодной водой. Слышався треск, и стакан отделялся от бутылки. Никакой дальнейшей обработки стакан не подвергался.

Дядя Миша часто заходил в наш дом поговорить с мамой. Они разговаривали о семейных делах, о положении в школах,

обсуждали городские новости, вспоминали своих старых знакомых.

В нашей семье постоянно чувствовался недостаток в одежде, обуви и белье. Сохранилось заявление мамы как члена правления Башкирского областного союза работников искусств в Башкирский Народный Комиссариат Продовольствия с просьбой выдать нашей семье из 4 человек 30 аршин мануфактуры, хлопчатобумажных ниток (кручёной пряжи) для ручной вязки носков и галатерей. На заявлении, написанном в августе 1921 г., несколько резолюций в поддержку просьбы мамы. Сам документ сильно потрёпан. В семье не хватало и продуктов питания. Также бедно жили наши родные и знакомые. Сахар заменяли мелко изрубленной сушёной морковью, изюмом или даже сахарином. Вместо чая заваривали сушёные лепестки шиповника, растущего за Ашкадаром. Тяжелее всего переживался недостаток хлеба.

в 1920 и 30-е годы. Продажа хлеба в булочной была событием, о котором становилось известно всему городу от бегущих по улицам детей с мешками для хлеба и кричащих: „Колёса дадут!“ Это означало, что поступил в продажу пшеничный хлеб, выпеченный в виде огромной баранки. Около булочной возбуждённо шумели люди, везущиеся один в другого для поддержания порядка в очереди.

Однажды, прибыв на студенческие каникулы из Москвы домой, я, как это требовалось, в тот же день навестил тётю Машу старшую сестру мамы, и её мужа моего крёстного отца, бухгалтера-кассира средней школы дядю Сашу Сундуковых. Мои близкие родственники в тот час обедали. Я садиться за стол не стал, так как обедал дома. В это время появился их кот, который стал громко мяукать и царапать стул, на котором сидела моя двоюродная сестра. Он, как писал А. С. Пушкин, „Замя-

укал, как голодный котёнок". Двухродная сестра свою порцию хлеба уже съела. Тогда она отщипнула кусочек хлеба от порции моего крёстного и сказала: „Папа, я завтра отдам“.

Несмотря на невзгоды, мои родители и родственники умели себя веселить. Поводом для торжественных встреч служили дни рождения близких, праздники: Рождества Христова, встречи Нового года, Пасхи. Встречи эти также поочерёдно в домах для совместной заготовки на зиму капусты. Её рубили сразу несколько человек таяками в большом деревянном корыте, затем сочили в деревянных кадюшках. Темы для разговоров находились, так как родственники виделись часто — запросто заходили друг к другу на пути домой с работы или базара. Связь времён и поколений не была разорвана тяготами жизни, политической бдительностью и борьбой за существование.

Ссор между родственниками при встречах

не было. Только только один неприятный случай, когда муж двоюродной сестры тая да Захар не явился на встречу с родственниками. Я и мой двоюродный брат были посланы к нему с просьбой прийти на вечеринку. Тая Захар лежал в неосвещённой избе на печке. Он заявил, что никуда не пойдёт и наказал передать родственникам, что „Хомут сзади не надевают“.

Праздники отменяли также всего в смысле крёстного, который служил до революции в страховой компании „Россия“ и построил с помощью родителей для себя дом, в котором было четыре комнаты, прихожая и кухня. За несколько дней до торжественного вечера крёстный рассылап приглашение, „на ташку тая, имеющую быть в собственном доме...“

К таким семейным вечерам готовились тщательно. Надевали лучшую одежду. Маме завивали волосы на висках специальными щипцами, длинные концы которых разогревались в стеклянной трубке керосиновой лампы. Крёстный надевал бархатный

пиджак, подпоясанный узким ремнём с серебряными пластинками, на которых была надпись «Кавказ». Готовили к торжественному обеду плов-мени, курник или пироги с мясом или капустой, покупали вино или заранее приготавливали брагу.

Распорядился пируешеством дядя Миша, который после нескольких рюмок вина отличался большим красноречием. Иногда он в своих речах отвлекался от семейных дел и переходил на внутреннее положение в городе и за его пределами. В его речах самыми резкими словами были: «Баши-бузук» (слово известное ещё со времён русско-турецкой войны 1877-78 гг.) и «Тробокапатели». Пели за столом песни: «Быстры, как волны, дни нашей жизни», «Ревет буря, дождь шумел», «Славное море священный Байкал» и другие русские песни. Пение руководил папа, играя на скринке.

Танцевали обычно вальсы: «Берёзка», «Лесная сказка», «На сопках Маньчжурии». Вальсы играли папа на скринке и дядя Миша на гитаре.

обычно с закрытыми глазами в результате утомления и после выпитого вина. Танцами распоряжался двоюродный брат тани дядя Саща. Он громко провозглашал: „Кавалеры приглашают дам“, а во время танцев говорил: „Пурне“. Эти команды он мог слышать до революции на балах у городского головы или предводителя дворянства, так как служил в городской полиции. Его служба ничего общего с политической полицией не имела. Он наблюдал за общественным порядком в городе и выполнял свои обязанности добросовестно.

Рассказывали, что однажды утром на Пасху, когда ещё не окончилась заутреня и в городе не должно быть гуляний и веселья, он встретил на улице пьяную компанию, которая распевала под гармонь: „Бывали дни весёлые, гулял я молодец“. Дядя Саща предупредил их, что в эти часы требуется соблюдать тишину в городе, но они не послушались. Тогда дядя Саща шашкой разрубил гармонь надвое. На семейных вечерах всегда была художе-

отвенная часть. Папа брал с собой рукописный сборник, который он составил за многие годы, вписывая в него любимые произведения. Из этого сборника стихов, рассказов и анекдотов он читал собравшимся на вечер. Многие произведения он знал наизусть. В сборнике были рассказы А. П. Гехова „Злоумышленник“, „Хамелеон“, стихотворение Н. А. Некрасова „Тенериф-Поттунгит“, но любимым произведением папы была поэма А. А. Навроцкого „Коромаглова Башня“. Это произведение он читал с большим чувством. Голос его дрожал, предвещая рыдание.

Когда папа несколько месяцев жил в Екатеринбурге у моего брата врата Алексея и находился некоторое время на лечении в больнице, он по просьбе больных ходил по палатам и читал там наизусть произведения своих любимых авторов. Некоторые слушательницы „Коромагловой Башни“ рассказали, так как в этой поэме рассказывается о захоронении под строящейся башней краше жительницы Нижнего Новгорода (тобы Башня была недоступной врагам), шедшей рано утром

за водой с ведрами и коромыслом.

Мой брат и я, мои двоюродные братья и сёстры были участниками встречь родственников. Среди них я впервые выступила с чтением стихотворения:

„Ночь и тишина, полная луна.

Лист пошевелился, гриб на свет явился.”

Моя двоюродная сестра, одетая в матве из марли, исполняла в детстве песенку вместе с танцем. Слова песни она сопровождала жестами, выражающими смысл стихов:

„Мы белые снежинки спустились сюда,
Легки мы, как пушинки, холодные всегда.

Вот эта тучка серая - она была наш дом,
С неё мы и спустились издаль мы отдохнём.”

Однажды мы под руководством дяди Миши поставили пьесу в стихах А. К. Толстого. Мы исполняли роли былинных богатырей времён киевского князя Владимира I.

Наиболее торжественным был праздник встречь нового года. Мы украшали сосенку (её в окрестностях города не росло). Вокруг неё мы ходили, взявшись за руки, и пели:

„В хороводе были мы... там девицу видели...“
или шагами под зёткий ритм марша, испол-
няемого павой на скрижке и дядей Мишей
на гитаре.

Так в 1920-е и 30-е годы мы жили в мало-
изменённой дореволюционной обстановке, среди
людей, характер которых сложился до 1917г.
и полных воспоминаний о прошлых годах,
в домах со старой мебелью и в прежних
условиях ведения хозяйства. Конечно, в уч-
реждениях города была новая советская власть.
Ни об одном представителе старой власти
ничего не было слышно. Никто не задумывал-
ся куда бесследно выбыли городской голова,
председатель земской управы, уездный ис-
правник и другие.

Доброжелательное отношение к товарищам
по работе и к ученикам нескольких школ, в
которых наша преподавал пение, успешное
выступление с хором на концертах сделали
его известным в городе.

При малом числе жителей (в 1926 г. в
городе было 25 тыс. жителей) старожилы

города могли часто встречаться друг с другом на улицах, обмениваться новостями или просто здороваться. Многие знакомые лица также были известны всему городу.

Среди таких граждан был врач отоларинголог Мишенин. Он много лет ежедневно на тарантасе выезжал из дома в больницу, находящуюся на высоком левом берегу Стёри. Когда он состарился, его уговорили уйти на пенсию. Но без привычного любимого дела врач Мишенин затосковал и лёг в постель. Тогда к нему из больницы пришли сотрудники и попросили вновь поработать на прежнем месте. Мишенин оживился и ещё работал врачом некоторое время.

Имя стёрлитамакского врача Мишенина связано с биографией писателя Максима Горького. Когда Мишенин учился в Казани в него была влюблена слушательница фёдоровских курсов, в которую был влюблён Максим Горький. Мишенин же любил другую девушку. «Это старая история, но кого она касается, у того сердце разрывалось пополам».

писал о таких случаях в своём стихотворении Т. Тейне.

Когда Мишенин переехал в Стерлитамак, влюблённая в него фельдшерша уехала в деревню недалеко от Стерлитамака. Она снимала комнату в простой избе, всё своё время посвящала больным и делала с ними своё небольшое жалование. Однажды из Казани в Стерлитамак к Мишенину приезжала сотрудница Казанского историко-краеведческого музея в надежде узнать от него подробности биографии Максима Горького. Мишенин не стал ничего рассказывать и потребовал, чтобы никто не вмешивался в его личную жизнь.

Всеми Стерлитамаку был известен Алексей Павлович Бусыгин. До революции он владел небольшой типографией и переплётной мастерской. Книжки, которые переплетались в Стерлитамаке, имели привлекательный вид. Картонные крышки оклеивались бумагой, имеющей вид цветного мрамора. На обратной стороне крышки наклеивалась этикетка,

указывающая, что переплёт выполнен в
Стерлитамаке в мастерской А.П. Бусыгина.

А.П. Бусыгин был известен также как
автор небольшой книги, изданной в его
типографии. Книга называлась: „Мудрые
изречения Алексея Павловича Бусыгина, по-
лезные как для учеников, а также для
учащихся“ (видимо, следовало написать
„учащих“). В книге помещены загадки:
„Четыре чётёрки, две расчёпки, седьмой
вертун“. Ниже приводилась отгадка: „Ве-
тряная мельница“. Следующая загадка:
„Живая живулька сидит на живом
стульчике, живое мясо тербит“ и отгадка:
„Дитя на коленях матери“. „Два конуса,
два колбуса, по середине гвоздик“, „Ножницы“ и
другие загадки. В конце книги помещена
длинная таблица, по которой можно было
узнать: „Сколько у товарища в кармане
денег?“

Я помню А.П. Бусыгина, когда он был
уже в пожилом возрасте. Его можно было

часто видеть сидящих на лавочке около его дома. Он живо интересовался городскими новостями. Завидев воз с сеном или дровами, он вскакивал с лавочки, подбегал к вознику и спрашивал, поедет ли сено или дрова. Помню, меня он спросил, какой пароход подошёл к пристани Стерлитамака. Я несколько раз повторил ему (он, видимо, плохо слышал), что пригали пароход с названием „Сытва“.

Прибытие парохода в город было крупным событием. Иногда несколько дней требовалось, чтобы из Белой пароход проплыл небольшое расстояние по Ашказару до пристани около железного завода. Из города пароход уже был виден среди низких берегов, гудки его были слышны, но фарватер не был безопасен из-за мелей, и пароход плыл с большою осторожностью. Весной 1930 г. я плыл на пароходе на небольшое расстояние от пристани по реке Ашказару и Белой и обратно. Это была прогулка, организованная для учителей города. Пароход плыл медленно, на носу его стоял

матрос, который местом измерял глубину реки и докладывал капитану: „Геттыре с половиной“ и другие глубины в аршинах.

Проводить время вестером на лавочке возле своего дома было любимым занятием не только А.П. Бусыгина, но и других жителей города. Проходили мимо знакомые люди, с которыми можно было поговорить. Это занятие стало невозможным, когда по улице началось движение автомобилей. На дороге поднималась такая пыль, что дышать становилось трудно. Кроме того, изменились нравы молодых жителей города. Ранее эти лавочки ночью занимали влюблённые, которые сидели тихо, но потом молодые люди после танцев, которые устраивались на площадке недалеко от бывшего собора, расходились по домам с криком и свистом, и, имея нерастраченную силу, вырывали и разбивали в щепки эти лавочки.

А.П. Бусыгин сам хорошо знал пере-
лётное дело и выполнял заказы на дому.

Однажды на Пасху он пришёл в учительскую нашу школы девятилетки приветственные или книги. Алексей Павлович перекрестился и громко поздравил наших учителей: „Христос воскрес“. В учительской наступило неловкое молчание, так как в годы борьбы с религией никто не осмелился ответить ему: „Воистину воскрес“. Учителя сделали вид, что углубились в проверку работ учеников. Алексей Павлович сказал: „Так-то вот у нас!“

Однажды мама и А.П. Бусыгин отдыхали на лавочке в парке возле собора. Они вспоминали прежние годы и затем несколько минут молчали. А.П. Бусыгин неожиданно спросил: „Отпоёшь меня?“ „Отпою, Алексей Павлович!“ обещала мама. Когда прошло уже много лет после смерти А.П. Бусыгина, мама иногда вспоминала его и ждала, что не выполнит своего обещания.

Старожилом Стёрлиталмака был также парикмахер Пузилов. Он работал в центре города в парикмахерской, перед которой

Однажды на Пасху он принёс в учительскую нашу школы девятилетки переписанные им книги. Алексей Павлович перекрестился и громко поздравил наших учителей: „Христос воскрес“. В учительской наступило неловкое молчание, так как в годы борьбы с религией никто не осмелился ответить ему: „Воистину воскрес“. Учителя сделали вид, что углубились в проверку работ учеников. Алексей Павлович сказал: „Так-то вот у нас!“

Однажды мама и А.П. Бусыгин отдыхали на лавочке в парке возле собора. Они вспоминали прежние годы и затем несколько минут молчали. А.П. Бусыгин неожиданно спросил: „Отпоёшь меня?“ „Отпою, Алексей Павлович“ — обещал мама. Когда прошло уже много лет после смерти А.П. Бусыгина, мама иногда вспоминала его и ждала, что не выполнит своего обещания.

Старожилом Стрелитямака был также парикмахер Пузилов. Он работал в центре города в парикмахерской, перед которой

висел плакат: „Прохожие, остановитесь, побрейтесь и подстригитесь.“ Пузиков заслужил известность в городе не только многолетней работой в парикмахерской, но, главным образом, благодаря демонстрации на базаре рисунков с помощью своего проекционного аппарата (волшебного фонаря), установленного на штативе. Этот аппарат можно считать предшественником кинематографического в городе.

Любой гражданин за небольшую плату мог посмотреть около двадцати разрозненных, не объединённых одной темой, рисунков. Пузиков ставил зрителя перед проекционным аппаратом, накрывая его чёрной простышкой и вставлял в аппарат рисунки один за другим, поясняя их содержание. Некоторые пояснения к рисункам я помню: „Карла Маркса (Карл Маркс) седой и с бородой“, „Зайные плантации“, „Переход через реку Неман, был сильный туман“, „Бой в Крыму, Крым в дыму“, „Жизнь самоедов и людоедов на севере.“

Среди наших знакомых были и мало известные люди, например, портной Кузбля, который покупал на барахолке поношенную одежду, перелицовывал её и продавал по цене более высокой. Деньги, полученные от продажи вещей, он обычно пропивал там же на базаре. Папа, увидев его в плачевном уже состоянии, сопровождал его домой на левый берег Стёрм. Им приходилось переходить по мостику через реку, который строили ежегодно заново и всегда узким и шатким. По такому мостику папа иногда переносил Кузбля, взвалив его на свою спину.

После таких случаев жена Кузбля приходила на следующее утро к нам благодарить папу и приносила подарок две-три морковки или репку с их огорода. Она, конечно, жаловалась на Кузбля, который то на коленях умолял её, то душил, требуя деньги на водку.

Папа не делил своих знакомых по национальному признаку. Заста у нас в

доме бывал фелдшер стерлитамакской больницы Филипп Николаевич Губан по национальности родом из деревни Косяковки. Когда мы с мамой совершали путешествие на левый приволжский берег Белой напротив горы Куштау мы проходили деревню Левашево и заходили на отдых к родственнику Филиппа Николаевича в Косяковку. Нас удивляло то, что жители этой деревни не желают бороться с тараканами, которых в избах было множество.

Среди знакомых мамы был башкирин Валей из деревни Карайганово. Он иногда заходил к нам в базарные дни, когда привозил на продажу в город дрова или древесные угли. Помню, как мама неудачно воспользовалась башкирским языком, говоря Валенте во время чая „ашама“. Валей вынужден был пояснить, что по-башкирски „ашама“ означает „не ем“. Во время наших путешествий к горе Пуратау мы заходили в Карайганово к Валенте. Его дом стоял на берегу Белой.

Папу интересовали своеобразные люди города. Среди них был Сибогат татарин по национальности. Он служил на телеграфе и занимался доставкой телеграмм. Проходя по городу и встречаясь с людьми, он узнавал много городских новостей, которые ежедневно записывал в свои тетради. За многие годы у него накопились целые тома записок, которые хранились в сарае. Сибогат записывал и крупные и мелкие события, например, „В селе Наумовке во время бури снесло крышу с дома. Крышу долго искали, но не могли найти“ или „Жена испекла пшеничный хлеб, который получился хуже ржаного“. Эти записки могли бы служить основой летописи города, но Сибогат не имел никакого образования и свои записки мог прочитать только сам. Были случаи, когда следовательно обращались к нему для уточнения какого-либо события в городе, считая его записки достоверными.

Многие в городе знали Васю, который не мог работать, так как был слаб головой и

потому ходил а мажком по дварам и праян
милостивно. Это был среднего роста мужичок
с рыжими волосами, обычно небритый и часто
улыбающийся. Он подходил к окнам и спра-
шивал: „Хлеба нет?“ Вася не упускал случая
маршировать впереди воинской части даже
по грязной дороге. Ему доставляли удоволь-
ствие чёткие команды командира и певьи
солдат: „Вы не вейтесь, русые кудри, над
моею большой головой“ и „соловей, соловей
птишечка, канареечка жалобно поёт“, спо-
собность запоминать Вася сохранил. Как-то
он подошёл к дому А. П. Бусыгина и спросил,
как обычно, : „Хлеба нет?“, Алексей Павлович
укоризненно заметил: „Это сначала надо сказать,
Вася?“ Вася полностью прочитал молитву
„Отче наш“. А. П. Бусыгин похвалил его и
дал распоряжение своим близким: „Давайте
Васе помидорик“.

Ребята, которые всегда чувствуют неполадки
в поведении взрослых, встречая его, требовали:
„Вася, свисни“. Вася с обычной улыбкой свис-
тел сначала сквозь зубы, а потом губами.

не встречая сопротивления, ребята оставляли
его в покое.

Другой известный городу человек обострил
отношения с ребятами, так как приходил в
ярость от их свиста. Это был Лин Стена-
нович, высокий крепкий мужчина с русой
бородой. Он почти ежедневно находился около
магазина винных изделий со своим стака-
ном, из которого могли выпить покупатели
водки, не отходя далеко от магазина. Застав
спиртного, содержащегося в бутылке, остава-
лась Лину Стеновичу. Когда он шёл от
магазина домой по середине улицы летом
без головного убора и босиком, находились
шмелётики, которые свистели ему вслед.

Лин Стенович останавливался и жестами
показывал, как бы он разорвал и растоптал
свистящего или брал с дороги обломок кир-
пича и с силой бросал его в забор, за ко-
торым уже укрылся обидчик. При встрече с
папой Лин Стенович жаловался ему:
"Разве это дети, это - черти!"

У папы не было личных врагов, так

как он был откликнулся к тужкой беде, готов при возможности дать деньги в займы. У него были друзья из различных социальных групп горожан, ему был тужок национализм. Он считал, что интеллигентные люди есть в каждом народе, а все народные песни не только русские он считал прекрасными.

Конечно, не те люди, о которых я так подробно написал выше, правили делами в городе. О тех, кто имел власть, я не могу рассказать много. В Стерлитамаке я был летом во время отпуска, когда общественная жизнь в городе затихает. Много лет во время отпуска я занимался, главным образом, ремонтом в личном доме: красил пол, крышу дома, утеплил окна и двери. Много неприятностей было с водопроводом и стоком воды в канализацию, с автоматическим газовым водонагревателем для отопления комнат.

Однако слухи о делах городских властей не миновали меня в очереди в баню или на базаре при встрече со знакомыми. Одно время на рынке с большим подозрением

стали рассматривать металлические рубли. Говорили, что их выпускает группа фальшивомонетчиков, в которой участвует сын председателя городского совета Стерлитамака. Назвали эти монеты „Стояновки“ — это впервые после известных денег „керенок“ в 1917 г., названных в честь верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского (1881-1970).

Сообщали точное количество килограммов колбасы, которую поставлял каждый месяц мяскокомбинат секретарю городского комитета большевистской партии Мурзаханову. Тот же Мурзаханов якобы, объезжая промышленные предприятия города на тарантасе, таме всего посещал спиртоводочный завод. Входил он туда с небольшим чемоданом, в котором находилась канистра. Перед его уходом с завода её наполняли спиртом. О таких случаях возникла инюванка Посудина, ехавшего на ревизию, говорил в рассказе А. П. Техова „шито в мешке“: „Я не видел, никто

не видел, но это точно? Достоверно, однако, то, что секретарь Мурзаханов излагал свои мысли кратко, или, как говорили о секретарях партии, : „С исчерывающей полнотой и предельной ясностью.“ Мой родственник врач егермитажской больницы был на приёме у Мурзаханова по поводу курсов повышения квалификации врачей. Мурзаханов точно определил цель этих курсов на примере местного хирурга Ибрагимова. Сначала секретарь Мурзаханов предложил моему родственнику пройти вместе с ним по ковровой дорожке, без которой кабинет секретаря партии не мыслим. Потом он произнёс: „Конечно, товарищ Ибрагимов хороший человек, но плохо режет. Надо сделать так, чтобы он хорошо резал.“ Будущему историку предстоит воздать должное каждому руководителю города, ознакомившись с архивными документами.

От сталинских репрессий из наших

не видел, но это точно". Достоверно, однако, то, что секретарь Мурзаханов излагал свои мысли кратко, или, как говорили о секретарях партии, "с исчерпывающей полнотой и предельной ясностью". Мой родственник врач египетологической больницы был на приеме у Мурзаханова по поводу курсов повышения квалификации врачей. Мурзаханов точно определил цель этих курсов на примере местного хирурга Ибрагимова. Сначала секретарь Мурзаханов предложил моему родственнику пройти вместе с ним по ковровой дорожке, без которой кабинет секретаря партии немисли. Потом он произнес: "Конечно, товарищ Ибрагимов хороший человек, но плохо режет. Надо сделать так, чтобы он хорошо резал." Будущему историку предстоит воздать должное каждому руководителю города, ознакомившись с архивными документами.

От сталинских репрессий из наших

родственников пострадали только Николай Иванович Сазонов муж сестры мамы тёти Вали. Дядя Коля был священником в деревне Покряскино Стёржтинского района и занимался также сельским хозяйством, сам пахал и севал, имел конюшню и лошадей, которую не всегда кормили овсом, а чаще резаной соломой, посыпанной отрубями. Об этом я хорошо знаю, так как иногда гостию у него в деревне. Условия жизни его семьи отличались от крестьянской только тем, что у Сазоновых был редкий в то время центробежный сепаратор для отделения сливок. Сепаратором пользовались соседи, платя за это молоко.

В Покряскино стояла небольшая деревянная церковь. Старинных икон и богатого убранства в ней не было. На колокольне жило много голубей, а по ночам на ней кричал филин. После службы в церкви или после работы в поле дядя Коля приходил домой на обед и отдых. В доме была небольшая комната

без окон с кроватью для отдыха. Часто по вечерам он брал гитару и приятным баритоном пел: „Бывало внахлест нащенику, лошадок уберёшь, а сам тропой знакомого в заветный дом пойдёшь.“ И „Вянет, пропадает красота моя, от худого мужа в доме нет житья.“ Находясь летом в деревне, я купался в реке, вместе с двоюродным братом Леонидом ездил в поле помогать работам. Зимой в Поляскино я видел кулачные бои, когда бойцы одного конца деревни выступали против бойцов другого конца „стенка на стенку“. Позже такие бои, от которых оставались кровавые пятна на снегу, были запрещены.

Дядя Коля часто приезжал к нам, так как его старший сын Леонид учился в городской школе девятилетке и жил в нашей семье. При недостатке у нас постельных принадлежностей дядя Коля спал на полу на сене, покрытом старым пальто и укрывался своим полукафтаном. Перед сном он долго вздыхал,

но не из-за плохой постели, а по причине душевных переживаний.

Однажды дядя Коля поехал в тарантасе на своей лошади на приём к брату в больницу на левый берег Стерми. Мне разрешили поехать с ним. На обратном пути мы поехали через брод на реке, к которому был крутой спуск. Лошадь, непривыкшая к сложному рельефу местности, разбежалась и остановилась только у воды. Опасность перевернуться вместе с тарантасом была большая. Дядя Коля вылез из тарантаса и горячо молился Богу, встав на колени, что он не допустит вреда ребёнку, то есть мне.

Когда в 1930-е годы начали закрывать церкви дяде Коле предложили отрезвись от сана священника и как грамотному человеку занять должность счетовода в сельском совете. Дядя Коля отказался от отречения. Тогда к нему пришли в дом, стоящий недалеко от церкви, люди из сельского совета во главе с отцом будущей жены Леонидом и набили в подполье доску якобы

из общественного склада. Дядя Коля был арестован и сослан в Карелию на лесозаготовки, где он вскоре умер от болезни.

Нелёгкая судьба постигла его сыновей Виктора и Леонида. Они долгие годы были некоторое время выполняли тяжёлую работу на маслобобном заводе в Стерлитамаке чтобы пережить себя. Затем Виктора призвали в армию. Он был в строительном батальоне. Там, простудившись, он потерял здоровье. Тяжело больной он демобилизовался и вскоре умер, повторив судьбу, представленную Н.А. Некрасовым в поэме „Ариша мать солдатская“. Леонид стал сельским учителем, но всегда чувствовал себя обделённым и напуганным, так как происходил из семьи священнослужителя.

При совершении поступков и высказывании своих мнений в те годы требовалось соблюдать особую осторожность. Многие потеряли свою свободу и жизнь за необдуманное слово даже в кругу своих друзей.

Примером может служить случай с

сыном нового квартирника хозяина трудо-
любивого крестьянина в деревне Птирюшья
Стерлитамакского района, где я работал
учителем в 1931-32 учебном году. Этот
деревенский парень был мобилизован на
строительные работы в Стерлитамак. Там
работники на обед часто давали овсяную кашу.
Чтобы позабавить своих товарищей по ра-
боте он, усаживаясь на лавку перед длин-
ным столом, заржал, напоминая, что
„лошади кушают овёс“, как писал А. П.
Чехов. В тот же день за эту шутку его
вызвали в секретный отдел и спрашива-
ли, не враг ли народа наущил его совер-
шить этот поступок, так как сам он
парень простой и бесхитростый.

Когда я учился в Московском нефтя-
ном институте в 1935-40 гг., один из моих
товарищей по курсу высказал желание по-
бывать на Луне и узнать, есть ли там
условия для жизни. Вскоре кто-то пере-
дал его слова в секретный отдел. Его
вызывали и спрашивали, почему он хочет
покинуть Землю и чем ему не нравится
существующий общественный строй.

Осенью 1939 г. я прохожу преддипломную практику на Махачкалинской морской перевалочной нефтебазе. Заинтересовавшись деревянными фермами пирса, устроенного для причала танкеров, плавающих по Каспийскому морю, я принялся с берега снимать эскиз этого сооружения, которое выполнялось простыми плотниками. Вдруг я услышал тревожный окрик главного инженера: „Это секретная конструкция!“ Он потребовал, чтобы я вместе с ним пошёл в секретный отдел. К счастью, всё обошлось благополучно, меня не задержали, главный инженер тоже был доволен, он проявил высокую политическую бдительность.

Слухи о том, что секретные органы власти привлекают к слежке за людьми многих осведомителей, людей арестовывают по незначительному доносу, после чего след их пропадает, а родственников принуждают от них отрёкаться, волновали многих.

Однажды дядя Миша зашёл к нам на пути с базара домой в сильном волнении. Лицо его было бледным. Он рассказал, что на базаре „появился татарин со страшными

ругательством взяв с дороги кусок грязи и бросил его в портрет Сталина. Большой красивый портрет И. В. Сталина висел у входа на базар. Последние годы жизни дяди Миши были печальными из-за нервного заболевания. Ему казалось, что агенты секретной службы следят за ним. Развитие этой болезни мог содействовать энцефалит. К сожалению, в лесах Башкирии водятся клещи, которые передают это заболевание.

В те тревожные годы маму также беспокоили рассказы, что он сказал лишнее, похожее на недовольство властью, среди друзей или товарищей по работе. Напряжённый труд мамы, умственное переутомление, борьба с бедностью, ухудшение здоровья мамы могли привести к навязчивым страхам.

Несмотря на явное „пролетарское“ происхождение со стороны дедушки С. Е. Прошина, мама считала, что дореволюционное занятие торговлей дедушки М. Ф. Ермилова может повлиять на будущее моё и брата Алексея. Доверчивость и послушание власти

были чертами характера мамы. Боялся
 мама после смерти мамы в 1948 г. вселе-
 ния к нему на квартиру по распоряже-
 нию городского совета другой семьи, в
 то время, как квартира состояла из двух
 смежных (неизолированных) комнат:
 спальни с одним окном и "зала" с двумя
 окнами а также прихожей и кухни
 совместно. Подселение грозило боль-
 шими неудобствами, так как каждое
 лето мама с нетерпением ждал по-
 стоянно приезжающих к нему в отпуск
 своих сыновей Алексея из Екатеринбурга
 и меня Анатолія из Москвы с семьями.

Этот страх пропал только тогда,
 когда его половина дома изветшала, и
 городскому совету было выгоднее продать
 её арендатору, чем реконструировать. Мама
 купила свою половину дома за небольшую
 плату и стал впервые в конце своей жиз-
 ни владельцем дома и небольшого участ-
 ка земли во дворе. Дом требовал большо-
 го ремонта, и мама потратила все свои
 сбережения на покупку строительных
 материалов и плату плотникам, рекон-

тировавшими дом. Особенно в плохом состоянии были окна. Прёёмы и рамы обветшали. Переплёты расшатались, и стёкла из них вываливались. Переплёты были старой конструкции - подвёмные. Я, глядя на них, вспомнила строки А.С. Пушкина из стихотворения „Утопленник“: „и декивою рукою поднимает он окно“. Новые переплёты сделали навесные с нижними створками на петлях. Ставни с железными кованными болтами сохранились хорошо, и, закрыв их, дома можно было чувствовать себя в безопасности.

Наша семья не была религиозной. Папа не разбегался как нравственных норик, записанных в Священном писании, но восторженно отзывался о церковных хорах, исполняющих сочинения П.Т. Теснокова, А.А. Архангельского, С.В. Рахманинова, П.И. Чайковского, его поразками болбщие собрания верующих во время молебна. Папа в одно лето даже совершил нешкю путешествие в Табынск на праздник иконы Табынской Божьей Матери (в 9 пятницу после Пасхи) и

ночевал у костра вместе с богомольцами в лесу недалеко от удивительных источников солёной воды. В начале 1930-х годов эти богомолы запретили, как отвлекающие крестьян от сельскохозяйственных работ. На дорогах к Табынку дежурили милиционеры, которые уговаривали людей с котомками за плечами и с посохами в руках вернуться домой к мирским делам.

Мама была верующей, но веры в Бога никому не навязывала. Она иногда посещала собор, который стоял в центре города в небольшом саду, огороженном чугунной решёткой с крестами наверху. По тщательности отделки деталей ограда не уступала каслинскому литью. Все иконы для собора писали живописцы Академии художеств. Икону „Положение Христа во гроб“ нарисовал известный художник М. Н. Воробьёв (1778-1855).

Рядом с храмом стояла колокольная, служившая пожарникам удобной наблюдательной вышкой, так как с неё хорошо был виден город, расположенный на равнине.

месте между Стерлей и Ацкадаром. Пожарная команда находилась недалеко от колокольни. Здесь же находились конюшники с лошадыми и пожарные насосы на специально-установленных горизонтально на платформе и колёсах. Сложённые действия пожарников и их въезд на пожар на сильных неустойчивых лошадях представляли захватывающее зрелище.

Было ещё одно назначение колокольни. Зимой во время сильных морозов на ней вывешивали флаг. Это означало, что занятия в школах отменяются.

До закрытия собора колокольня выполняла своё основное назначение. С неё раздавался звон различных настроенных колоколов в соответствии с церковной службой, благовест — праздничный церковный колокольный звон, совершаемый одним колоколом.

Самым торжественным был праздник Тасхи, совпадающий с наступлением весны. Перед праздником мама наводила чистоту в доме. Зимние рамы вставлялись и уносились

в цулан. На кухне готовились куличи и
пасха из творога с изюмом. Свежий воздух
в доме смешивался с весенним воздухом на
улице. Праздничное настроение хорошо пред-
ставлено в строках старого стихотворения:
„Отворяется первая рама, и в комнату шум
ворвался:
и благовест ближнего храма, и стук по
каменным колесам.“

Мама, когда была здорова, целыми днями
занималась домашним хозяйством. На крош-
ное жалование учителя меня мама надо-
было прокормить семью в четыре челове-
ка. Много времени требовалась уборка по-
мещения, стирка белья, перешивка ста-
рой одежды. Мама готовила обед и печла
хлеб в русской печи. Электричества не было,
квартира освещалась керосиновой лампой.
Воду приносили с „фонтана“ городского ре-
зервуара с водой, из которого она выкачи-
валась ручным насосом и разливалась в
ведра. Эту воду наливали в умывальник и
самовар, в котором её кипятили для чая,
в чугуны, которые ставили в русскую печь

в цулан. На кухне готовились куличи и
пасха из творога с изюмом. Свежий воздух
в доме смешивался с весенним воздухом на
улице. Праздничное настроение хорошо пред-
ставлено в строках старого стихотворения:
„Отворяется первая рама, и в комнату шум
ворвался:
и благовест ближнего храма, и стук по
каменным колесам.“

Мама, когда была здорова, целыми днями
занималась домашним хозяйством. На крош-
ное жалование учителя меня мама надо-
было прокормить семью в четыре челове-
ка. Много времени требовалась уборка по-
мещения, стирка белья, перешивка ста-
рой одежды. Мама готовила обед и печла
хлеб в русской печи. Электричества не было,
квартира освещалась керосиновой лампой.
Воду приносили с „фонтана“ городского ре-
зервуара с водой, из которого она выкачи-
валась ручным насосом и разливалась в
ведра. Эту воду наливали в умывальник и
самовар, в котором её кипятили для чая,
в чугуны, которые ставили в русскую печь

ухватом для приготовления пищи или подогрева воды при стирке белья. Для самовара и утюга требовались древесные угли. В печи сжигали дрова.

Выстиранное бельё полоскали в Ашкадаре-летом с мостиков (досок, положенных на берег и на стойки в воде), а зимой в проруби. В конце зимы некоторые проруби имели большие размеры, так как они образовались в результате выкалывания льда и извлечения его с помощью лошади. Крупные льдины увозили на санях для устройства ледников, необходимых для хранения продуктов. Чтобы при полоскании белья в проруби отогревать руки, вместе с бельём на санках везли чугуны с тлеющими углями.

Условия жизни в Стерлитамаке могли привести к потере здоровья моей мамы. Собственного благоустроенного дома у нас не было. Квартиры приходилось часто менять. В квартирах, находящихся в одноэтажных деревянных домах, отопление было печное. Зимой тепло из квартир выдувало, и в трубу становилось холодно, в прихожей вода

в ведрах покрывалась льдом. Бани в городе были частные. И дома, и в бане можно было угореть. Поэтому в домашней аптечке всегда находился пузырёк с нашатырным спиртом, его нюхали от угара.

Здоровье моей мамы с годами ухудшалось, и в конце 1938 г. она слегла в постель. Болезнь мама переносила стойко, никто не слышал её жалоб на боли или плохое самочувствие. Она никогда не позволяла себе раздражаться или прикидываться на окружающих. Память её полностью сохранилась. Она помогала маме, утомлённому уроками пел в школах, в подсчёте расходов на покупку продуктов.

Я всегда буду помнить тот случай, когда от поставленной на полку свечи (электрическое освещение уже было в доме, но иногда ночью оно отключалось) стекло в углу портрета мамы, висящего над этой полкой, дало трещину, и мама так просто и обиденно сказала: „Трещина на моём портрете означает мою скорую смерть“. Это было 1948 г. — год смерти моей дорогой мамы.

Пана видел многие недостатки в окружающей
 жизни. Высказывать своё мнение другим он
 не решался, а находил утешение в сочинении
 стихов на темы о свободе и счастье людей,
 смягчении их нравов и любви к природе. Стихи
 пана сочинял в свободное время, отдыхая дома,
 иногда лёжа на постели поверх одеяла, сняв,
 конечно, обувь. В Тверской области в доме-
 музее поэта - крестьянина С. Ф. Дрозожкина
 (1848 - 1930) имеется фотография поэта,
 сочиняющего стихи также лёжа в постели
 в скромной комнате. Главным сочинением
 паны является поэма, "Сказы деду Шиха-
 на", имеющая историческое содержание о
 жизни Стерлитака в 1917-41 гг. В поэме
 наиболее удачно написаны главы - сказы о
 сооружении и разрушении памятника В. И. Ле-
 нину, о борьбе с религией, а также введе-
 ние, в котором даётся описание природы
 в окрестностях города. Живописные берега
 рек Белой, Ашкадара, Стерли, Олховки,
 четыре горы недалеко от берегов Белой и
 Селука питали ещё детское воображение
 паны как будущего поэта. Об этом он
 пишет в стихотворении "Урал". Эти места

он посещал во время прогулок до глубокой старости и с любовью воспевал их в своих стихах.

Горы, расположенные за Белой на расстоянии 8-12 км от города, хорошо видны с берега Ашкадара. Белые скалы, лощины, заросшие небольшими дубками и кустами вишни, непрерывно меняли свою окраску, когда ярко светило солнце и когда оно закрывалось тучами.

Иногда летом к этим горам наша семья вместе с семьями родственников совершала путешествия. Дорогу преодолевали пешком, но для поклажи нанимали лошадей, запряжённую в телегу. Всегда брали с собой скрипку в футляре и гитару. На скрипке играл папа, а на гитаре - дядя Миша. Эти музыкальные инструменты были необходимы для сопровождения при хоровом исполнении песен: „Хазбулат уда-лой“, „Тибель Варяга“, „Не осенний мелкий дождичек“ и других. Играли папа и дядя Миша отдельно марши: „Славянка“, вальсы: „Амурские волны“, „Осенний сон“ и другие

произведения. Дядя Миша не получил специ-
ального музыкального образования, но хорошо
играл на гитаре, на скрипке и имел прекрас-
ный певческий голос тенор, состоял в город-
ском хоре, которым руководил папа.

Были случаи, когда мы уходили к горам
надолго и ночевали на поляне на опушке
леса. Для такого похода собирались папа,
дядя Миша и учитель Пётр Спиридонович
Таврилов и Иван Ефимович Шварёв. По-пре-
жнему с нами были скрипка и гитара.
И. Е. Шварёв брал ружьё, так как счи-
тался охотником, но не было случая, чтобы
он застрелил хотя бы одну утку.

Вечером у костра обязательно пели:
„Ветерный звон“, „Колокольник“ А. Л. Турчлэва,
„Торные вершины“ А. Т. Рубинштейна, „Красный
сарафан“ А. Е. Варламова, но любимым
произведением нашей компании было трю-
А. С. Хоромыжского, „Ночевала тучка золотая“.
Испаяли это произведение несколько раз
за вечер перед одной из наших гор П. С.
Таврилов, обладающий прекрасным лири-
ческим тенором, дядя Миша и папа, кото-

раб как руководитель стержитамаского городского хора мог исполнять любую партию.

Когда мы подросли, родители нам разрешили совершать походы к нашим горам самостоятельно. Мой брат Алексей и я вместе с нашим двоюродным братом Юрой (Юрием Александровичем Сундукович) отправлялись в путешествие из дома рано утром, пока не наступила летняя жара. Брели с собой лишь хлеб, варёные яйца и огурцы.

Перед восхождением на гору мы купались в озере около Пуратау или в реке Селеуке около Шахтау, или в Белой около Куштау. Тёплые походы и восхождение на вершину горы утомляли нас, но после отдыха дома, мы вновь собирались в поход. Возвращались мы из путешествий домой ночью. Мама, полная беспокойства, уже не могла находиться в доме, а ходила по тротуару, ожидая нас.

Беспокойство родителей за нас имело основание. В этих походах много было неожиданностей. Однажды я мог сорваться с крутого склона горы, падал с дерева,

на которое лез к птичьему гнезду, чтобы взять
яичко для коллекции, была опасность утонуть,
так как мы умелись плавать самостоятельно,
но, и никто за нами не наблюдал. Однажды
после утомительного похода проспал ночь,
весь день и следующую ночь. Был потом удив-
лён, что потерял целые сутки своей жизни.

Несколько раз мы пытались сохранить
свои силы, а время затраченное на путеше-
ствие сократить, направляясь к горе по пря-
мой линии. Но тогда нам приходилось прео-
долевать лесные заросли и переплывать озёра.
Вскоре мы поняли, что нарушаем правило
геологов: не искать нового прямого пути,
если есть известная проторённая дорога.

Направляясь к горам Куштау или Шах-
тау мы, переплывали Белую на пароме. Мне
нравилась эта переправа. Паром работал эко-
номно в любое время суток. Землянка
паромщика находилась в крутом берегу реки.
Перед ней, недалеко от воды, обычно стоял
костёр. Плавание проходило при общей ти-
шине, хотя никакой опасности оно не пред-
ставляло. Однажды на пароме случился ска-
лок. Два жителя башкирской деревни при-

своих подвод с берега на паром вдруг
 неполадили. При плавании до середины реки
 они обзывали друг друга оскорбительными
 словами на башкирском и русском языках.
 Наконец один из них сказал: „Знаешь кто
 ты? Ты французтанге!“ Это мало знакомое
 слово заставило обоих задуматься и за-
 молчать. Далее сама природа содействовала
 примирению. Ярко светило солнце. Тихо
 плескались волны о корпус парома, тишину
 нарушая лишь шум вертикального вала,
 на который набегал стальной канат, на-
 тянутый от одного берега к другому, и
 стук копыт лошадей, переступающих с
 ноги на ногу.

Утомительные путешествия к горам
 или пещере около деревни Ишеево совершались
 несколько раз за лето. Основными занятиями
 в дни школьных каникул были прогулки
 к берегам Белой или Ашкадару. купались
 мы в этих реках почти ежедневно,
 только непрерывные дожди заставляли нас
 оставаться дома. Вода в реках была тёп-
 лой только в жаркие июльские дни. Поэ-
 тому приходилось привыкать купаться в
 холодной воде, для вознаграждения в которую

требовалось усилить волю. Среди компании товарищей был порядок выделять одного для "согревания" воды. Он должен первым войти в воду и, соединив руки, усиленно разгребать воду, отчего она и должна "согреться". Потом уж начиналось купание остальных.

Картины родной природы, которые мы наблюдали в дни, проведенные около гор и на берегах рек, оказывали на нас большое влияние и развивали любовь к природе и родному краю.

В школу я поступил когда мне не исполнилось ещё пяти лет. После небольших квартир, которые наша семья снимала в частных одноэтажных деревянных домах, здание школы удивило меня высокими потолками, широкими коридорами, большими классами и залом на втором этаже.

Мой брат Алексей учился в этой же школе в группе на год старше. Со мной учился двоюродный брат Борис Александрович Сундуков с моим братом учились вместе двоюродная сестра Лидия Александровна.

судукова, троюродная сестра Мария Михайловна
Петрова и троюродный брат Валентин Алек-
сандрович Волычев. Многие ученики нашей
школы остались моими хорошими товари-
щами на долгие годы. Среди них Евгений
Петрович Зорин, Ольга и Лидия Королёвы и
их сестра Надежда Александровна Королёва,
которая училась в группе вместе с моим
братом. Среди учеников нашей группы были
не только русские, но и башкиры и татары,
например, Каримова, Курашнина. Ко всем
ученикам, независимо от национальности,
отношение учителей было одинаковое.

Я хорошо помню мою первую учитель-
ницу Екатерину Николаевну Соболеву, моло-
дую красивую женщину, которая была доб-
рой и внимательна к своим ученикам. У
меня долго хранился текст пьески „Гастро-
ммы“, написанный разборчивым почерком
моей учительницы и данный мне для
заучивания роли, чтобы исполнить пьеску
на вечере учащихся.

Содержание этой пьески мало подходило
голодным 1920-м годам. В ней представ-

разговор двух мальчиков: первого, это раз-
говаривалась Эсене Зорину, и второго, это была
его дочь. Первый мальчик спрашивал:
"Если бы ты был королём, то что бы за-
казал себе к обеду?" Я перечислял несколько
вещей и в том числе: "Суп с фрикадельками,
размёртый с сахаром творог, изюм и кори-
ца". А если бы ты был королём, то что
бы ты заказал к обеду?" Первый мальчик
мало говорил: "Бессовестный, всё выбрал
себе, а мне ничего не оставил".

В старших классах нашим особым ува-
жением пользовались учителя: естество-
знания Александр Антонович Герненко,
физики Виктор Петрович Волошкевич, хи-
мии Николай Кузбич Лазарев и лите-
ратуры Миранов. А.А. Герненко, В.П. Волош-
кевич и Н.К. Лазарев были друзьями между
собой и с Петром Христофоровичем Михай-
ловым основателем Стерлитамакского ис-
торико-краеведческого музея и работником
местной метеорологической станции. Друга
П.М. Михайлова называли его в шутку
портным также, как называли писателя В.А.
Гарковского его друга, но не Тудай, а Торилдай.

разговор двух мальчиков: первого, это раз-
говаривалась Эсене Зорину, и второго, это была
его дочь. Первый мальчик спрашивал:
"Если бы ты был королём, то что бы за-
казал себе к обеду?" Я перечислял несколько
вещей и в том числе: "Суп с фрикадельками,
размёртый с сахаром творог, изюм и кори-
ца". А если бы ты был королём, то что
бы ты заказал к обеду?" Первый мальчик
молча говорил: "Бессовестный, всё выбрал
себе, а мне ничего не оставил".

В старших классах нашим особым ува-
жением пользовались учителя: естество-
знания Александр Антонович Герценко,
физики Виктор Петрович Волошкевич, хи-
мии Николай Кузбич Лазарев и лите-
ратуры Миранов. А.А. Герценко, В.П. Волош-
кевич и Н.К. Лазарев были друзьями между
собой и с Петром Христофоровичем Михай-
ловым основателем Стерлитамакского ис-
торико-краеведческого музея и работником
местной метеорологической станции. Друга
П.М. Михайлова называли его в шутку
портным также, как называли писателя В.А.
Григорьевского его друга, но не Тудай, а Торилдай.

на разговор двух мальчиков: первого, эта роль поручалась Жене Зорину, и второго, это была моя роль. Первый мальчик спрашивал: „Если бы ты был королём, то что бы заказал себе к обеду?“ Я перечисляла несколько блюд и в том числе: „Суп с французскими растёртыми с сахаром творагом, изюмом и корицей“. А если бы ты был королём, то что бы ты заказал к обеду?“ Первый мальчик плача говорил: „Бессовестный, всё выбрал себе, а мне ничего не оставил“.

В старших классах нашим любимым предметом пользовались учителя: естественные науки Александр Антонович Терненко, физики Виктор Петрович Волощевич, химии Николай Кузмович Лазарев и литературы Миронов. А.А. Терненко, В.П. Волощевич и Н.К. Лазарев были друзьями между собой и с Петром Григорьевичем Михайловым основателем Стерлитамакского историко-краеведческого музея и работником местной метеорологической станции. Друга П.Г. Михайлова называли его в шутку почти также, как называли писателя В.А. Тихаровского его друга, но не Тихая, а Тихарий.

Как как П.Х. Михайлов был нескладно сложен,
но крепко сшил.

Большой интерес к литературе развивал
у нас учитель Мирон-в. Он одинаково с жаром
читал и разъяснял нам значение рыцарской
поэмы „Неистовые Роданг“ итальянского поэта
16 в. Л. Ариосто и произведения А.С. Пуш-
кина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя. Наш
учитель часто ссылался на мнение о ро-
манах и стихотворениях русских писате-
лей, высказанное В.Т. Белинским, говоря
при этом, что „Белинский враг не бу-
дет.“

Образцовое поведение учеников нашей
группы было на уроках химии Н.К. Лаза-
рева. Он входил в класс, здоровался и
садился у окна, перебирал классный журнал
и свои бумаги при полной тишине в
классе, затем минут через пять начинал
урок.

Плохое поведение учеников было на уро-
ках башкирского языка, которые вел учи-
тель Тадей Валеевич Ибрагимов, человек
интеллигентный, наигнанный хорошо игра-
вший на скрипке. Учили на башкирский

язык на основе арабского письма, которое читалось справа налево. На уроках башкирского языка было шумно, и Тадей Валеевич часто повторял, обращаясь к нам, „Кышкыр-май“, то есть „не шумите“. При этом он обычно стучал по столу самодельным пестиком, принадлежавшим жене Зорину, который вместе со мной сидел на переднем парте.

В другой группе учеников башкирский язык преподавал Борей Хабирович, не имевший хорошего образования и принятый на работу, видимо, за неимением опытных учителей. Он был, как мы говорили, „отсах“. Кроме того, Борей Хабирович плохо знал русский язык и часто спрашивал учеников о значении русских слов, например, как по-русски „куриные океребчы“, имея в виду слово „петух“. Проверая на уроке письменные работы, он указывал, что некоторые слова не соединяются между собой, при этом разбегая написанные слова вглубь большого нальча, разрезая 2-3 листа ученической тетради.

История нашего государства не изучалась

в школе. Вместо неё нам преподавали обществоведение, при изучении которого создавалось впечатление, что главные события в стране начались с октября 1917 г., „когда власть перешла в руки рабочих и крестьян“.

Учителя обществоведения часто менялись. Они были, скорее всего, партийными деятелями, а не историками. Приняв за основу новой идеологии „три источника, три составные части“ из иностранных учений, обществоведение не могло воспринимать в учениках гуманности, доброты и уважения к родителям и старшим, свойственных русскому характеру. Даже в песнях прославляли не доброту, а силу. В одной из песен были слова:

„Старый мир мы давно разрушали.

Мы должны теперь новый создать.

Прощай с дороги кто слабый и хилый,

Мы должны радость силу взять!“

Однако не так просто исковеркать русский характер. Когда погиб ученик нашей группы Корехов, вся школа тяжело переживала это несчастье. Корехов

вместе с другими лыжниками совершал походы к горе Тхурайтэу. На обратном пути их застала метель, и они потеряли друг друга. Корехову не удалось найти дорогу домой самостоятельно и он замёрз. На следующий день после его гибели наша учительница немецкого языка Ольга Николаевна Михайлова (жена П.Х. Михайлова) пришла к нам в класс, но не могла читать урока, заплакала и вернулась в учительскую.

В нашей школе мы плохо изучали русский язык. Когда я уже учился на первом курсе Московского нефтяного института, я в своих письмах к родителям много делал орфографических ошибок и неправильно ставил знаки препинания. Папа исправлял мои ошибки и отсылал мои письма обратно вместе со своими. Знание родного языка студентов Московского нефтяного института было улучшено только при организации кафедры русского языка.

Недостатки нашего обучения в средней

школе объясняются непрерывным применением новых методов обучения. Одно время начали применять комплексный метод, который заключался в том, что несколько дисциплин, изучаемых в школе, должны утверждать в учениках знания на одну тему. Если по математике даётся объяснение, что такое проценты, то и в других дисциплинах это понятие должно применяться. Например, по обществоведению следует дать сведения о безработице в капиталистических странах, в процентах.

Наибольший вред обучению в школе принёс бригадный метод. Ученики группы были разделены на бригады по 8-10 человек. В этом составе по учебной программе они должны были самостоятельно изучать учебный материал по книгам в классе или даже в садике около школы. Учитель только указывал, какие книги следовало читать и давал консультации, если появлялись вопросы. Экзамен сдавал учитель ученик, выделенный бригадой. Оценка знаний этого ученика выставлялась всем членам бригады.

предполагая их высокую сознательность и чувство коллективизма. При введении этого метода обучения не учитывалось, что обучение есть наиболее трудный вид деятельности человека, требующий целеустремлённости, силы воли и желания работать. Твёрдые знания можно получить только работой с книгой и собственными записками главным образом наедине, а к этому способу не всякий.

Кроме посещения школы и приготовления уроков у меня были также обязанности по дому. Сохранился мой школьный дневник 1923 г., в котором отразились мои успехи в учении и помещалось расписание занятий моих занятий дома. Главными моими обязанностями были: колоть и колоть дрова, топить печь, зимой очищать от снега дорожки во дворе и на тротуаре около дома, сбрасывать снег с крыши дома и сарая. Я должен был мыть медные самовары и поднос, на котором он стоял на столе. Медь хорошо очищалась кирпичной крошкой, подогретой и путём трения одного куска кирпича.

другой. Школьные дневник подписывали мама, классная руководительница О. Н. Михайлова и староста ученической группы Евгений Зорин, с которыми я дружен с тех пор и до настоящего времени.

Школьные дневник не учитывал разнообразных игр с товарищами. Летом мы играли в городки и бабки, ходили на ходулях, гоняли палкой оброч по дороге, пускали бумажный змей с мохальным хвостом. Любимыми местами для игр были берег Ачкадара и поляна, которая образовалась на месте высохшего кривого озера, существовавшего в 18 в. Зимой нашими занятиями было катание на санках и лезжах в обрат, который находился за Стерлей, катание на коньках на расчищенном от снега льду Ачкадара. Также же как и летом мы играли в бабки, но в качестве биты вместо бабки с зашитым внутри свинцом, использовался небольшой отрезок палки с закруглёнными концами, покрытый несколькими слоями льда.

Большое удовольствие доставляло нам катание на санках с небольшой горки, устроенной

но с небольшой задержкой, так как мой товарищ выдвинул условие: „Дашь рубль, тогда гулку на правый берег Ашкадара, брал с собой пневматическое ружьё, из которого обычно стреляют по мишеням в тире. Распожившись в тени деревьев, этот товарищ для собственного удовольствия стрелял в мелких птичек.

Меня всегда возмущало стремление молодых жителей города к уничтожению природы. На Ашкадаре летом дети простыней, как бреднем, вылавливали мелких рыбок и вытряхивали их на горячий от солнца песок. Находились любители, которые разоряли гнёзда стрижей, карабкаясь по крутому берегу реки и выбрасывая солому и пух из нор при тревожных криках летящих вокруг птиц. По надобилось несколько лет, чтобы стрижи — это колыбри наших мест, совсем покинули берега рек, на которых устоялась тишина.

Школа больше занималась обучением, тем воспитанием. Комсомольская организация города стремилась выполнить крупные

задачи, поставленные партией.

Я вступил в комсомол в 1932г. в деревне
 Стерлитамакского района, когда
 работал там учителем и принимал уча-
 стие в решении этих задач. Помню инструк-
 ции данные секретарём городского комитета
 комсомола А. Щелкуновым отрядам
 по деревням комсомольцам для организа-
 ции колхозов. Сначала А. Щелкунов рас-
 сказывал нам анекдот, напоминающий
 старинную французскую легенду о пре-
 красной девице, которую пощадила стая
 голодных волков. В анекдоте говорилось
 о крестьянине, на которого в стёны на-
 пали волки. Крестьянин остановил ло-
 шадь, встал в санях и начал уговаривать
 волков вступить в колхоз. Волки разбежа-
 лись. В ответственной же части ин-
 структора секретарь А. Щелкунов гово-
 рил о преимуществе общественного ве-
 дения хозяйства. Главное преимущество
 заключалось в том, что будут распашаны
 межи, разделяющие мелкие участки земли.

эти места занимают в стране огромные
 площади и являются рассадниками сорняков.
 Я посещаю также несколько инструктивных
 городского комитета кансолога о продаже
 или „распространении“ в деревнях лите-
 ратурных билетов добровольных обществ.
 Уполномоченные после инструктаж и
 получения удостоверения уезжают в де-
 ревню, в которой они находились два-три
 дня и жили в крестьянской семье по
 назначению председателя сельского совета.

Больше всех занимался воспитанием
 молодёжи неизвестных певец на базаре.
 Под аккомпанимент свой гармони, сидя
 на её футляре, он пел баллады собствен-
 ного сочинения на бытовые темы. Нахо-
 дясь в небольшой толпе, окружавшей пев-
 ца, одно из этих сочинений я выслушал до
 конца. В нём говорилось о молодом чело-
 веке, который провожал девушку после
 вечера танцев домой на выежки. Тан-
 цевка вызвала своих друзей, и они
 похлопотали и ограбили провожающего. Из
 всей баллады я запомнил только строку,

которая характеризует героиню; „И три раза громко свистнула она“.

Хорошим моим товарищем был мой двоюродный брат Лёня Сазонов. Характер у Лёни был добрый. Отличался он также хорошим здоровьем. Он мог пробежать во дворе по снегу босиком, после чего вынимал ковши сырой воды из ведра с плавающими в нём льдинками, что получал от мамы, которую он звал крёстной, замечания. Лёня прекрасно пел русские и украинские песни, хорошо плясал и играл на гармошке, гитаре и балалайке. На ледяной горе у нас во дворе Лёня, который был старше меня и брата, обычно становился „царём горы“, так как мы не могли её отвоевать у него, несмотря на то, что допускались любые приёмы борьбы. Когда Лёня был уже в пожилом возрасте, он выглядел моложе своих лет, и на приёме у стёрнитаминского врача тот сказал ему: „Как ты смеешь с такой мордой жаловаться на сердце?“

В 1930 г. после окончания девятилетки с педагогическим уклоном я в возрасте 16 с

В этом же году для повторения предметов, изучаемых в средней школе, я поступил на вечерний автомобильный рабочий факультет, который помещался в здании бывшего четырёхклассного городского училища. Зининев, который вёл себя со всеми просто и был готов в любое время для беседы с учащимися. Однажды я к большому огорчению учителя слугай вовремя получил порцию и шестичной муки, которую выдавали как единовременную помощь ученикам рабочего факультета. Я попросил директора Л. Минеева распорядиться выдать мне мою долю. Он вызвал заведующего хозяйством и сказал ему: „Выдай ему муку. Сам понимаешь, он комсомолец.“

В 1933-35 гг. я учился в Стерлитамакском нефтяном техникуме на старших курсах. Директор техникума Шатвеев был человек энергичный. Чтобы улучшить учебный процесс он пригласил на работу учителей из Московского нефтяного института им. И. И. Тубкина. Они приехали в

стерлитамак надолго с жёнами. В 1933-34 учебном году бурение нефтяных скважин нам преподавал Александр Константинович Байбаков брат государственного и партийного деятеля Н.К. Байбакова. Под руководством А.К. Байбакова летом 1934г. я вместе с группой учащихся техникума участвовал в тушении пожара нефтяного фонтана в селе Ишимбай. Всю ночь мы соорудили вал вокруг горящего фонтанирующей скважины. Утром скважина сама засыпалась, и пожар прекратился.

Приезд москвичей оживил деятельность общественных организаций техникума. Из техникума был уволен преподаватель политической экономии Терегулов, обвинённый в разжигании национализма, названного москвичами „Терегуловщиной“.

В 1934г. я вместе с небольшой группой учащихся техникума проходил учебную практику на Бакинских промыслах. Мы жили в общежитии Бакинского политехнического института.

Директор Матвеев заботился и о досуге

учащихся техникума. Он организовал курсы
 водителей автомобиля, купил музыкальные
 инструменты домбры и мандолины для целого
 оркестра. В нём я играл на мандолине. В
 техникуме был шахматный кружок. Я уча-
 ствовал в шахматном турнире города и занял
 второе место. Первое место принадлежало
 председателю шахматной организации города
 Бычкову. В Стерлитамак приезжал из
 Уфы чемпион Башкирии по шахматам
 Кайев. В сеансе одновременной игры
 на нескольких досках я с Кайевым сыграл
 вничью. Фотографический снимок шахма-
 тистов города вместе с чемпионом Кайевым
 я отдал Стерлитамакскому музею. Был
 также организован шахматный турнир в
 Ишимбае между шахматистами этого
 села и города Стерлитамака, в котором
 я участвовал. От стерлитамакских шахма-
 тистов в этом турнире играли Безуглов
 и Вилсгелом Туставович Фицке преподава-
 тель игры на фортепиано в школе девяти-
 летке.

Несмотря на малый достаток семьи, я

брал уроки игры на фортепиано у пианиста и аккомпаниатора несколько лет гастролировал в городе театра оперетты Такома Исааковича Бердичевского и жила некоторое время по вечерам в концертах, доверял мне сопровождать игру на рояле немцы в кинотеатре, устроенном в бывшем соборе, в котором крестили и венчали моих родителей и крестили меня в марте 1914г.

Жена Т. И. Бердичевского Алла Толма была певицей. Она выступала на концертах вместе с мужем со своим репертуаром. Произведения, которые она пела, я больше никогда не слышала в исполнении других артистов. В одном из произведений были строки: „Флаги, матёв, за коромо невидной волна. Чайки плачут, но моряк не плачет никогда.“

1935г. был годом больших изменений в новой жизни. Для подготовки кадров нефтяников высшей квалификации требовалось направить нескольких учащихся из Стерлитамакского техникума в Московский нефтяной институт им. И. М. Губкина. Предполагалось

то преимущество следует отдать науко-
нальным кадрам. Таким образом, из техни-
кума направили в институт Арасланова,
Идиатулина и других учащихся. Однако по
настоянию директора Матвеева и бухгалтер
техникума Баоманникова в список рекомен-
дуемых в институт включили и меня. Экза-
мены в институт я сдавал в Уфе.

Железнодорожное сообщение между Уфой и
Стерлитамаком тогда ещё не было регулярным
и я решил вернуться домой на попутной
грузовой машине, найденной мною около
железнодорожного вокзала. Моими спутниками
оказались двое незнакомцев, один из которых был
слепой, в его руках находился футляр с гар-
монью. Только выехав из Уфы, мы поняли,
что наш шофёр и его помощник в кабине
водителя совершенно пьяны. Автомобиль то
увеличивал скорость, то резко затормаживался
оттого бочки, ненадёжно привязанные в кузове
машины, где мы пассажиры находились, угрожа-
юще надвигались на нас. Машина перемещалась
то направо, то налево, оттого она сильно

наклонялась. Когда машина неожиданно остано-
вилась на дороге, мой спутник выразил резкое
недовольство, говоря: „Это безобразие!“, он и
слепому товарищу велел: „Миша, кричи безо-
образие!“ и тот говорил: „Безобразие, безо-
образие!“ Когда я в Стерлитамаке выпрыг-
нул из кузова машины, в голове у меня
шумело. Впечатление от этого опасного
путешествия не заслонило радости, что я
приехал в Московский нефтяной институт.

Стерлитамакский техникум выдал мне путёвку
в дом отдыха около горы Куштау на две недели,
чтобы я подкрепил своё здоровье перед отъездом в
Москву.

Московский нефтяной институт предоставил
мне место в студенческом общежитии недалеко от
Киевского вокзала и назначил стипендию. Этой сти-
пендии и небольшой суммы денег, присылаемых мне
папой, хватало на скромную жизнь в столице. Я
вместе с товарищами по курсу пробовал несколько
раз заработать деньги путём разгрузки вагонов
на вокзале, но платили мало, а тяжёлый
физический труд приводил к сильному утомлению,
что мешало обучению в институте.

Учился я в институте примерно, так как
ценил своё звание студента и считал за
честь приобщиться к культурным ценностям
Москвы и Петербурга (во время студенческой
практики) к их театрам, музеям и библиоте-
отечкам. Обычно после занятий в институ-
те, которые я никогда не пропускаю, так
как был старостой группы, я уезжал в
Российскую государственную библиотеку
работать с книгами. К 12 часам ночи я воз-
вращался в общежитие для отдыха. По
воскресеньям я иногда посещал музеи в Мос-
кве и её пригородах, вечерами был в театре,
купив заранее недорогие билеты. Первую оперу,
которую я слушал в филармонии Большого театра
„Поска“ Д. Пуччини я и сегодня хорошо помню.
Я даже уделял время танцам, так как
прошёл небольшой курс обучения в школе
танцев парка культуры и отдыха имени
А. М. Горького.

Много времени отнимали у меня поиски
в магазинах необходимой одежды и обуви.
Однажды я и мой товарищ по курсу заняли

опередил с вечера и провели всю ночь около
 аптеки чтобы заказать в нём скрапные
 костюмы. По многим обувным магазинам
 приходилось разыскивать каалоши, которые
 необходимо было надевать зимой и в неё
 наступило погосту поверх ботинок (тогда ещё
 не было обуви на толстой подошве). Я
 даже думал, что меня ожидает эпигра-
 мическое содержание: „Вся жизнь
 ищешь где купишь каалоши“. Зимой я
 учил в демисезонном пальто. В 1938 г. мой
 брат Алексей окончил Московский медицин-
 ский институт и кожаную куртку, которую
 ему подарил бывший комиссар дядя Вася
 Ермилов, передал мне.

Почётным директором Московского Пер-
 вского института считался академик И. И.
 Тубкин. Только один раз мне пришлось
 встретиться с ним на его беседе со ста-
 ршими студенческими группами. К сожалению,
 выполнение его наставлений я не записал.
 Дирекция института заботилась о всесто-
 роннем развитии студентов. Во время торже-
 ственных вечеров в актовом зале института
 выступали С. Я. Лемешев, И. С. Козловский,

М. О. Райзен и другие выдающиеся певцы. Часто организовывались лекции известных искусствоведов о творчестве русских и зарубежных композиторов и писателей.

Почти во всех демонстрациях трудящихся на Красной Площади 7 ноября в честь Октябрьской революции и 1 мая в День труда я принимал участие и видел стоящих на мавзолее И. В. Сталина и других деятелей партии и правительства. К 1 мая 1936 г. студенты нашего и других институтов Москвы репетировали по вечерам по заданию Н. С. Хрущёва, бывшего тогда секретарём московского городского комитета партии, шествие с весенней песней композитора А. Т. Новикова, в которой есть слова: „Для родного Сталина девочки принесли весенние цветы“. В руках у нас должны были быть цветы, изготовленные из бумаги. Однако во время первомайской демонстрации хлынул весенний дождь, многие участники хора разбежались, и шествие не состоялось.

7 ноября 1936 г., когда в нашем институте ещё не была отменена военная подготовка студентов, мы участвовали в военном

параде и располагались у Исторического музея рядом с Красной площадью. Нам выдали солдатские ремень с пустыми патронами и винтовки образца 1914 г. с просверленными стволами. К. Е. Ворошилов Народный комиссар обороны СССР подбежал к нам на коне и поздоровался: „Здравствуйте, товарищи студенты, вооружённые советской винтовкой?“

В 1937 г. я вместе с другими студентами нашего института присутствовал на Красной площади на похоронах Народного комиссара тяжёлой промышленности в том числе и нефтяной Т. К. Орджоникидзе. Только после доклада Н. С. Хрущёва о кулбте личности Сталина стало известно, что Т. К. Орджоникидзе покончил жизнь самоубийством.

С нетерпением я ждал каникулы и день отъезда в Стерлитамак на отдых. Чтобы приобрести билет на поезд Москва-Уфа приходилось у кассы Казанского вокзала занимать очередь с вечера и дежурить на вокзальной площади всю ночь. Билет я покупал на место в общем вагоне. Среднюю полку

при посадке в вагон занять не удавалось, поэтому я спал во время пути на третьей полке для багажа, так как багаж каждый пассажир старался держать при себе. Если доставалась боковая багажная полка, то приходилось, чтобы не упасть, привязываться поясом к трубе, проложенной наверху вдоль вагона.

Прогулки по окрестностям города пешком и на велосипеде, восхождение на наши геттыре горы, ежедневные купания в Ашкадаре и Белой снимали усталость, накопившуюся за месяцы обучения в институте.

В Стерлитамаке во время каникул папа и я часто по вечерам играли на скрипках. Любимыми нашими произведениями были дуэты "М. И. Глинки", "Навронок" и "Не ищущай". В конце моего летнего отпуска мы неизменно исполняли на двух скрипках "Осеннюю песню" Ф. Мендельсона-Бартольди, которая начинается словами: "Скоро, увы, проходят дни счастья".

Приезжая в Москву обычно ночью я, не имея денег на такси, легко после отъезда

в родном городе я поклажал в обеих руках про-
ходил километров семь от Казанского вок-
зала до Дорогомиловского студенческого
городка по московским улицам и Бородин-
скому мосту. Слуцаев нападения и ограб-
ления в Москве в то время не было.
Однако, когда я проходил по спящему го-
роду, несколько раз из подъездов домов
выходили люди в штатской одежде и
внимательно всматривались в пешехода.
В руках у меня был скрученный темодан и
пелом, обвязанный ремнями, в котором
находились подушка и одеяло. Их я взял
из Москвы в Стёрлитамак и обратно,
так как лишних постельных принадлежно-
стей дома в Стёрлитамаке не было. Опыт
у ночной стражи был, видимо, большой,
никогда документов у меня не спрашивали.

Институт я закончил с отличием, и меня
рекомендовали в аспирантуру, но аспиран-
там Московского нефтяного института я
был только после службы в кадровых частях
армии в танковой полку и участия в Великой

отечественной войне в танковых и потом в сапёрных войсках.

В 1942 г. на Западном фронте меня избрали кандидатом в члены коммунистической партии, а в 1945 г. в члены партии в Московском нефтяном институте.

После службы в армии, будучи аспирантом, ассистентом и доцентом Московского Нефтяного института, я по-прежнему каждое лето проводил в Стерлитамаке. Меня тянуло в родные края к моим дорогим родителям больше, чем на южные курорты, да и денег на курорты не было. Даже на ручные часы я смог купить только после окончания аспирантуры.

Пребывание летом в Стерлитамаке оживлял приезд из Москвы моего друга и однокашника уроженца нашего города Евгения Петровича Зорина, который останавливался в нашем доме.

Несколько раз папа жил у меня в Москве. Он посетил дворцы-музеи в Останкине и Куускове, оружейную палату в Кремле, Третьяковскую галерею, осмотрел дом-музей художника В. М. Васнецова, квартиру-музей своего

любимого писателя Ф. М. Достоевского и другие
музы, слушал оперу Д. Россини, „Севильский
цирюльник“ в финале Большого театра, смотре
пьесу „Братья Карамазовы“, поставленную по
роману Ф. М. Достоевского в Московском худо-
жественном театре. Постоянно ничто меня
соглашалось только на радуге в Стерлита-
маке. Он наказывал похоронить его рядом
с мамой на стерлитамакском кладбище. Это
его желание мы выполнили. По моему за-
казу стерлитамакская мастерская изгото-
вила железную ограду и два креста над
могилами мамы и папы. Кресты из стальных
труб мастерская выполнила с великой опас-
кой, так как вместо них, якобы по распо-
ряжению городских властей, следовало делать
небольшие пирамиды из стальных листов с
пятиконечной звездой наверху.

При написании воспоминаний я просле-
дил свою жизнь за многие годы. Основными
в ней была готовность к лишениям. Конечно,
я добился некоторых успехов. В этом мне
помогла советская власть, предоставлявшая
бесплатное обучение, лечение в поликлиниках

и иногда и в санаториях. Большую помощь оказали родители, которые ничего не жалели для меня, а в случае успехов гордились мной. Но много труда затратил я сам. Не даром Н. А. Некрасов писал о М. В. Ломоносове учёному мирового значения: „По своей и Божьей воле стал разумен и велик“.

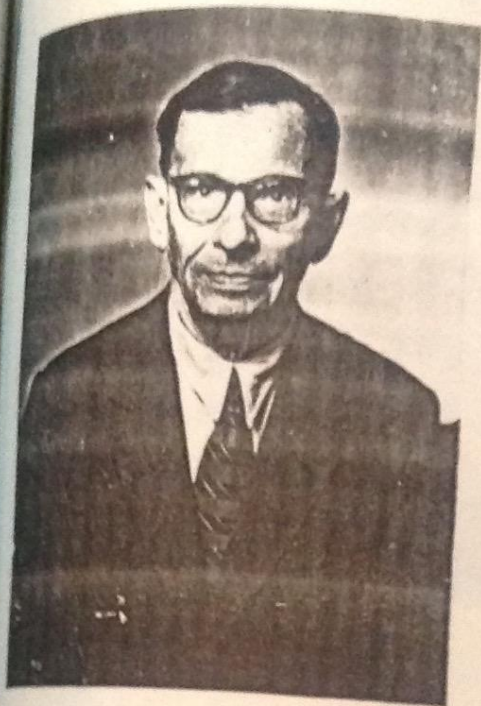
Я сожалел, что в своё время не распространял бабушку и маму о наших предках. Теперь уже не от кого узнать, откуда они переселились в Башкирию и как жили. Имена многих людей, с которыми я был знаком, я не помню, так как не вёл дневника и не все документы и письма сохранял.

В моих воспоминаниях о Стерлитамаке преобладает описание событий в комической форме, но не потому, что жизнь была полна радостей, а просто эти случаи запомнились мне лучше.

Написание воспоминаний была ответственной задачей. В них освещались дела многих людей, жизнь которых неповторима и ценна. Условия, в которых они жили, изменялись и

связанное достоянием сложной новейшей истории. Прошло много лет после описанных много современной жизни с теми, которые я испытал.

Написав воспоминания, я выполнил просьбу ермитажного музея и рад этому также, как был рад летописец Лаврентий в 1377 г.: «Радуется купец, приказ сотворив, и кормилец, в отицехе приетав, и странник в отечество своё пришез, так же радуется и книжный описатель, дошед до конца книги... И ныне, отцы и братья, еже ся где худу описал или переписал, или недописал, чтите, исправляя Бога зля, а не кляните, занеже книги вешаны, а ум молод не дошёл.»

Константи́н Семё-
нови́ч Трошин. 1953 г.

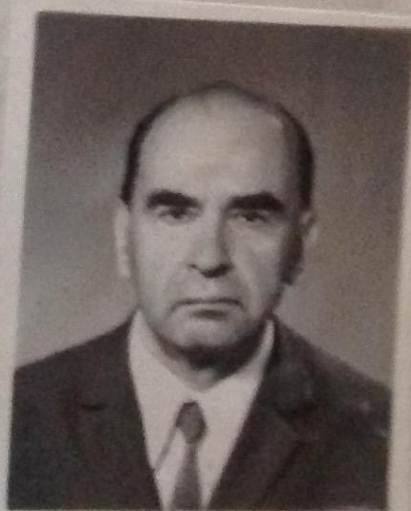

Мария Михайловна Тро-
шина (Ершлова). 1916 г.

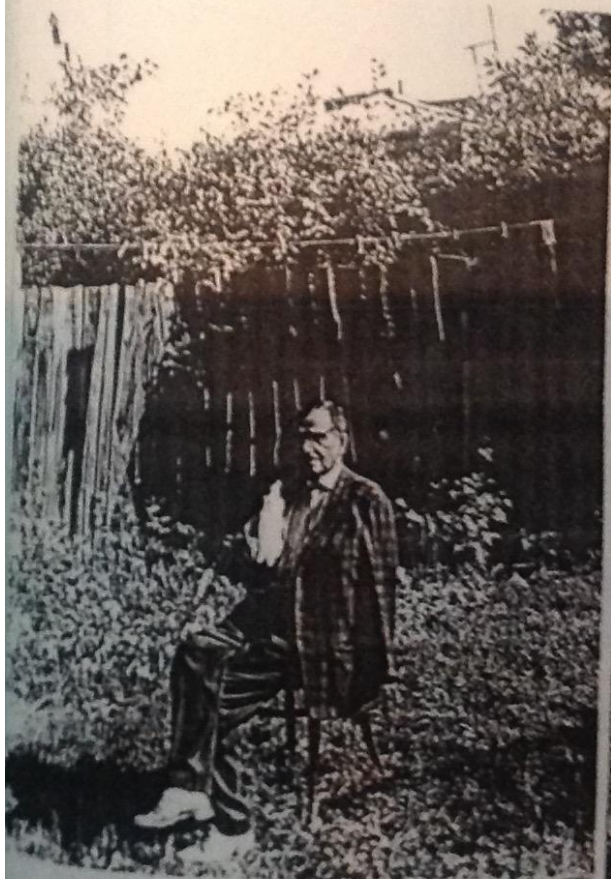

1937 г.

Анато́лий Константи́нович Трошин.

1977 г.

Константин Семёнович Трошин (сидит на стуле,
Анатолий Константинович Трошин, Евгений Пе-
трович Зорин (в огках) во дворе дома №30 по садовой
улице г. Стерлитамака. 1967 г.

Маргарита Николаевна Трощина, Анатолий
Константинович Трощина, Евгений Петрович
Зорин около калитки дома № 30 по Садовой
улице г. Стерлитамака (напротив виден
двухэтажный кирпичный родильный дом)
и на мостике через р. Аикадар. 1965 г.

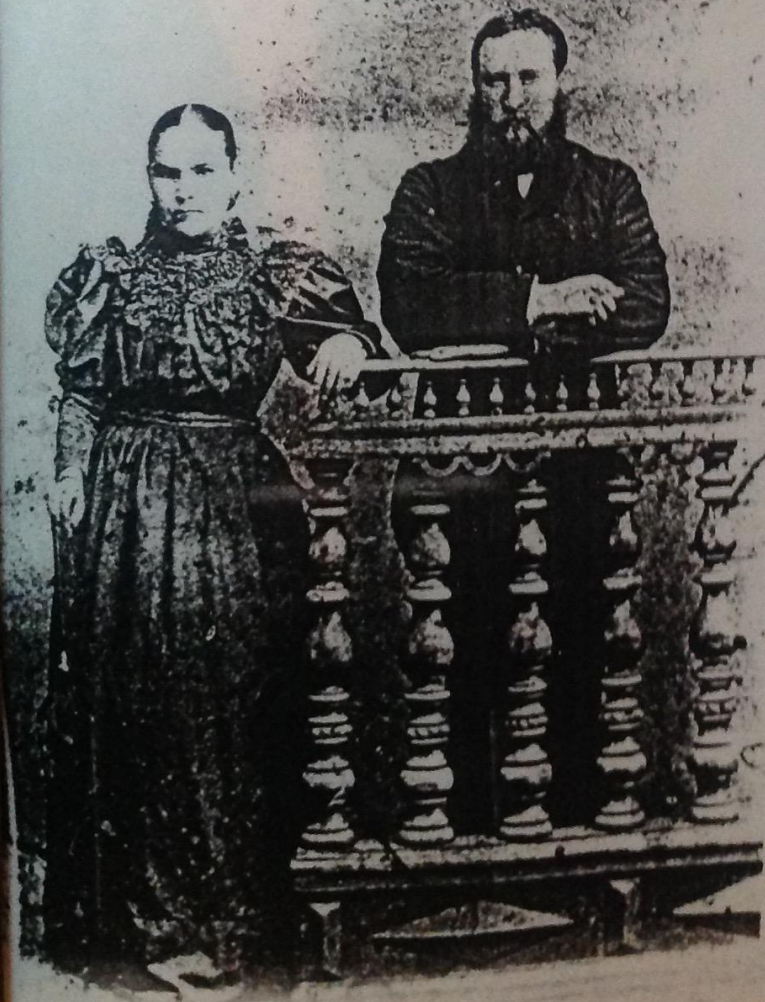
Семён Ефремович
Трошин. 1904 г.

ОТ ЮЗ

В первом ряду слева направо от зри-
телей: Вера Михайловна Трошина с
мужем, Людмила Михайловна Тро-
шина, Михаил Семёнович Трошин,
Константин Семёнович Трошин.
Во втором ряду: жена М.С. Трошина

Людмила, Людмила Алек-
сандровна Сундукова,
Алексей Константи-
нович Трошин и
его жена Елизавета,
Анатолий Константи-
нович Трошин.
В середине второго
ряда Ксения Антонов-
на Трошина. 1939 г.

Михаил Филиппович и Варвара
Ивановна Ерши-
ловы. 1902 г.

100

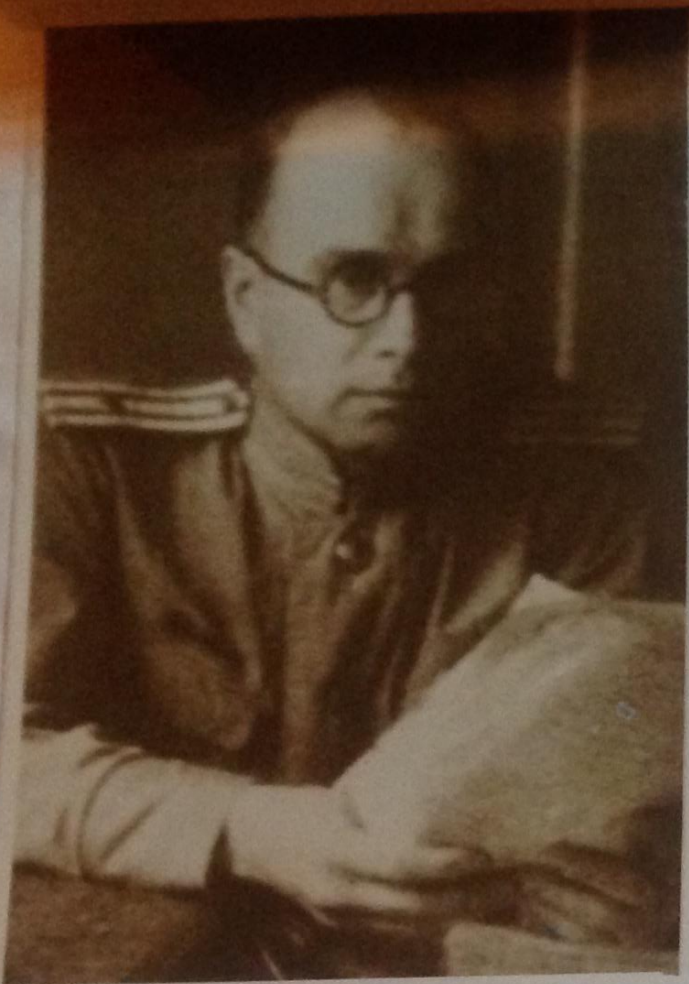

1941 г.

1955 г.

Брошин Алексей Константинович (1911-1997)

Алексей Константино-
вич Трошин. 1944 г.

Братья Алексей Константинович Трошин
(справа) и однофамилец певец Влади-
мир Константинович Трошин. 1969 г.